

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

В костюме
голой
королевы

ЭКМО

Елена Ивановна Логунова

В костюме голой королевы

Серия «Оля Романчикова», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606180

Логунова Е. И. В костюме голой королевы : роман : Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-69289-7

Аннотация

Скромная учительница Оля, недавно ставшая женой бизнесмена Громова, и ее подруга Люсинда приехали в Сочи на слет молодых педагогов. Вот только некто вознамерился помешать им и работать, и отдыхать: Оле все время мерещилось, что ее зовет приемный сын. После звонка из бассейна при фитнес-клубе отеля, когда она опять услышала в трубке голос Димки, Оля решительно направилась туда и обнаружила... доблестных сотрудников правоохранительных органов! Кто-то напал на дежурного администратора – бандиты явно поджидали в закрытом бассейне Ольгу, но в темноте перепутали. Теперь уж храбрая учительница не отступится, пока не выяснит, кто и зачем решил таким изощренным способом заманить ее в ловушку!

Содержание

День первый	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Логунова

В костюме голой королевы

– Что, Максим?

Референт бесшумно скользнул к столу и положил перед Громовым распечатку:

– Вам это может быть интересно, Андрей Петрович.

Интересы первого и единственного на юге России олигарха в этот предвечерний час были немногочисленны и не блистали разнообразием. Громову хотелось домой, к семье, ужинать и спать. Но интонации образцового референта обещали нечто необычное, и Громов послушно заглянул в бумажку.

– «Управление внутренних дел на воздушном транспорте подтвердило факт «кражи века» в международном аэропорту города Москвы». А я тут при чем?

Он посмотрел на помощника, и тот едва заметно дрогнул подбородком, предлагая продолжить чтение.

– «Авиатехник дежурной смены наземного обслуживания, фамилию которого следствие не называет, занимался подготовкой самолета к рейсу на Монреаль. Улучив момент, он присвоил партию алмазов, которые предназначались для отправки в Канаду».

Громов хмыкнул и вопросительно вздернул брови:

– Алмазы, говоришь?

Референт кивнул.

Андрей Петрович уже без понуждения уткнулся в бумажку.

– «Отправителя груза представитель управления назвать отказался, однако по непроверенным данным, алмазы принадлежат объединению «Алмазювелирторг». Ага! «Вся партия алмазов оценивается экспертами в полтора миллиона долларов, – с откровенным удовольствием прочитал Андрей Петрович. – Сенсационное преступление не планировалось заранее и целиком лежит на совести персонала аэропорта. Перед отправкой в Канаду груз некоторое время находился под надежной охраной на складе драгметаллов аэропорта, откуда был сдан вместе с тремя другими ценными посылками бортпроводнику. Стюард, однако, оставил груз без присмотра и ушел по своим делам, чем не замедлил воспользоваться авиатехник – «молодой человек из очень хорошей семьи», как его характеризуют на работе. Удачной краже способствовала и компактность груза, представляющего собой мешочек весом 250 граммов». Да, это забавно, спасибо!

Махнув бумажкой, он отпустил референта, и тот мгновенно испарился.

Громов потянулся к телефону, набрал знакомый номер и, дожидаясь, пока гудки в трубке сменит голос вызываемого абонента, радостной скороговоркой дочитал вслух:

– «Кражу обнаружили лишь по прибытии самолета в Монреаль, откуда дали телеграмму в Москву. Поиски похищенного груза осложнились тем, что авиатехник, уйдя со смены,

не вернулся домой». Здоров, Василий!

– Ну, неужто? Сам Андрей Петрович Громов мне звонить изволят? – насмешливо загудел в мобильнике басовитый голос. – Что, отыгаться надумал, салага?

– В прошлый раз мы с тобой вничью сыграли, Вася, ты забыл? Ах, возраст, возраст! – не задержался с ответной колкостью Андрей Петрович. – Хорошо, считай, что я двинул свою пешку на Е4, хотя я тебе не ради шахмат звоню. Я посочувствовать тебе намерен, Вась! Ты, говорят, в каком-то аэропорту на полтора лимона баксов камешков потерял, раззва этакий?

Он засмеялся, и собеседник смущенно хмыкнул.

– Ох, язва ты, Петрович! Ну, есть такое дело, свистнули у меня горсть алмазов, ты же знаешь таможенников – это натуральные разбойники и бандиты.

– Кто бы спорил, – согласился южнороссийский олигарх.

– Но я не сильно печалюсь, Андрюш, – поведал его собеседник, и по голосу было слышно – так и есть, он ничуть не грустит. – Мне-то какая беда? Груз был застрахован, так что пусть авиаперевозчик убивается, это его проблемы – и финансовые, и кадровые. Тут ведь, знаешь, особая пикантность ситуации в том, что кражу совершил сотрудник цеха, известного решительной борьбой за свои права. Совсем недавно они бастовали, протестуя против того, что полиция обыскивает сотрудников, подозревая их в регулярных хищениях бортового питания!

– Наловчились куриные ножки и булки ховать по карманам! – хмыкнул Громов. – А твою-то покражу нашли или нет?

– Вора нашли, – голос в трубке построжал. – Да только поздно: при нем уже ни камешков, ни денежек не было. Он успел снять со своего банковского счета все свои сбережения, да на этом все его везение и кончилось.

– Это как?

– А вот так: встретили дурачка лихие люди, все добро у него забрали, а самого придушили.

– И что?

– А то: ищи, как говорится, ветра в поле! Менты гопоту местную перетряхивают, концы ищут, но пока все глухо. Думаю, ни убивцев, ни камешки не найдут.

– Пессимист ты, Василий, – упрекнул собеседника Громов. – А я вот верю в нашу полицию! Давай спорить, найдут твои алмазы или нет?

– Так вот зачем ты мне звонишь, фраер азартный! – обрадовался голос в трубке. – Хочешь очередное пари заключить? Ну давай! Я говорю, простите-прощайте, мои алмазики. А ты, значит, ставишь на то, что их вернут? Какое простодушие!

– Вась, это не простодушие, это хитрость! – засмеялся и Громов. – Если я выиграю, ты вернешь мне те шахматы из черного дерева и слоновой кости, которые бессовестно отхватил в прошлый раз.

– А если ты не выиграешь, то подаришь мне к тем шахматам подходящую доску!

– Лады, договорились. Бывай!

Южнороссийский олигарх весело хохотнул в такт гудкам, скомкал распечатку с новостью о краже века и запустил бумажный шар в корзину для мусора.

День первый

Шашлычную Люсинда требовала непременно «самую настоящую грузинскую».

– Такую, знаешь, где повар, повара, официанты и даже посудомойки в огромных кепках и во-о-от с такими усами! – тархтела она, демонстрируя размах желательных ей усом тем жестом, каким хвастливый рыбак показывает пойманную им чудо-рыбу.

– Кепки – это негигиенично, СЭС не позволит, – вяло возражала Ольга, не имея сил воспротивиться азартной подружке как следует.

Она совершила типичную ошибку курортника – уснула на пляже, недооценив октябрьское солнышко, и теперь с лица походила на Снегурочку, а со спины – на Чингачука.

За исключением попы, которая была укрыта трусами купальника, весь Олин тыл алел, как революционный кумач. Она страстно мечтала обмотаться бинтами в кефире и тихой мумией лежать в прохладе кондиционированного номера, но Люсинда решительно заклеила позором магазинный кефир, сказав, что в нем живительных бактерий ноль процентов.

– Мацони, вот что тебя спасет! – авторитетно заявила подружка. – Самое настоящее грузинское мацони, натуральный кисломолочный продукт.

Ольге Палне из всего возможного натурально-грузинского в настоящий момент близка и понятна была разве что цитата из фильма «Мимино»:

« – Ты и она – не две пары в сапоге.

– Почему?

– Слушай, ты – видный мужчина, а она – возьми кошку, опусти в воду, вынь – и такая же худая!»

Это было про нее и Громова. Он – красавец-мужчина, спортсмен и олигарх, а она – чучело Масленицы после ритуального аутодафе! Хорошо, что Громов ее сейчас не видит.

– В настоящем грузинском мацони полно полезных бактерий, и все они такие же шустрые, как Сосо Павлиашвили! – не умолкала Люсинда.

Ольга Пална тут же представила, как по ее обожженной спине, размахивая руками, подергиваясь от избытка энергии и – не дай бог! – распевая, бегают маленькие гиперактивные Сосо, и усомнилась в великой пользе такого лечения.

– Глупости, – отмахнулась от ее сомнений Люсинда. – Ты ничего не понимаешь ни в продуктах, ни в мужиках!

Очевидно, подружка забыла, кто в начале года чудесным образом отхватил себе лучшего в южных широтах жениха – без пяти минут олигарха Андрея Громова, но спорить с ней у Ольги не было сил. Проще подчиниться и идти искать легенды Грузии – мацони, шашлыки и мужиков, причем в их улучшенном экспортном варианте, поскольку отдохали подруги в Сочи.

То есть официально-то Люсинда и Оля пребывали в командировке. Родная школа делегировала их на краевой слет молодых педагогов, однако этот профессиональный шабаш был приурочен к Дню учителя и имел насквозь праздничный, необременительный характер.

Предполагая, что так и будет, Ольга Павловна пыталась отказаться от увеселительной поездки в пользу кого-нибудь из менее обеспеченных коллег. Она все еще стеснялась своего положения жены богача и не считала себя вправе претендовать на бесплатный отдых в Сочи, раз уж супруг в состоянии вывозить ее на лучшие курорты планеты и ближнего космоса. Но Люсинда категорически не желала ехать на слет «с этими мымрами», как она называла более благоразумных и степенных школьных девушек, то есть всех, кроме самой себя и Ольги Павловны.

Энергичности, предприимчивости и результативности Люсинды, поставившей перед собой определенную цель, мог бы позавидовать любой спецназ. Директриса Майя Андреевна вызвала Ольгу Павловну Романчикову на ковер и поставила вопрос ребром. Или Ольга едет с Люсиндой в командировку на слет молодых учителей – или увольняется и переквалифицируется в управдомы, благо, хоромы у ее супруга обширные, есть чем управлять!

– Полагаю, общественность вашей школы просто мечтает хоть немного отдохнуть от Люсинды, так что тебя не столько наградили, сколько принесли в жертву, – успокаивая

встревоженную Ольгу Павловну, проникательно предположил сам упомянутый супруг.

Для пущего спокойствия Оли он предложил заплатить за ее пребывание на курорте из своего кармана.

Так Оля с подружкой оказались в пентхаусе с двумя отдельными спальнями, тремя совмещенными балконами и джакузи такого размера, что в ней запросто могла бы разместиться и комфортно проживать семья дельфинов.

– Всегда буду ездить только с тобой! – ликовала Люсинда, все более ужасая Ольгу Павловну.

Ее активность была убийственна в принципе и уже фактически покалечила Ольгу. Если бы неутомимая и неугомонная Люсинда не продержала подружку до утра в ночном клубе, та не уснула бы на пляже и не нуждалась бы теперь в кисломолочных обертываниях!

Где искать это самое мацони, Оля не знала, а Люсинда и не хотела узнавать, потому что получала большое и искреннее удовольствие от блуждания по закоулкам, компрометирующим Сочи как курортную столицу страны.

Глинобитные хаты и кособокие деревянные домики, пыльные улочки с потрескавшимся асфальтом или вообще без него, смешанный запах вялящихся на солнце фруктов, дикой мяты, разноцветных астр, вьющихся роз, виноградного сока, сочащихся битумом толевых крыш и уличных уборных – Люсинде все это ужасно нравилось.

– Ах, какой колорит! – восхищалась она, собственноруч-

но добывая переспелый инжир с дерева, пыльные ветки которого опрометчиво не остались в очерченных забором пределах двора.

– Ах, какой темперамент! – восторгалась она, слушая иноязычную ругань бабки, законно пребывающей на одной территории с инжиром.

– Ах, какое гостеприимство! – растрогалась она, когда выяснилось, что вызванный крикливой бабкой волосатый дядька в семейных трусах притащил их не в зиндан, а к водоразборной колонке – мыть руки, инжир, сливы и яблоки из бабкиного сада.

– Аф, какой фкуф! – мычала она, набивая рот дарами щедрой сочинской природы и доброй армянской бабки.

– Если ты еще раз ахнешь, я тебя укушу! – не выдержала Оля.

Бедняжку знобило, мутило и неудержимо тянуло к земле. От падения на придорожную траву-мураву страдальцу удерживало лишь понимание того, что лежать на спине она никак не сможет. А валяться в лопухах на брюхе Оле было стыдно и странно.

Она же не пластун-разведчик на задании! Она уважаемая молодая дама, благородная училка, верная супруга и добродетельная мать.

Так она Люсинде и сказала.

– Вот, кстати, Романчикова, все хочу спросить тебя, почему ты и после замужества работаешь в школе? – по привычке

ке назвав подружку девичьей фамилией, спросила Люсинда. Могла бы и не спрашивать!

Олин новый и пока единственный сын Димка Громов по прозвищу Фантомас первого сентября пришел к Люсинде во второй «А», хотя никогда нигде не учился в первом.

Раньше Димке было не до школы, он серьезно болел, и когда он только начал адаптироваться в нормальном детском коллективе, Оля сочла своим долгом находиться поблизости.

– Потому что приглядываю за Димкой, – коротко объяснила она любопытной Люсинде.

– Не доверяешь мне? – подружка сделала попытку обидеться, но тут же передумала, учуяв новый запах.

В симфонию ароматов мощным крещендо ворвался слаженный дуэт жаренного на открытом огне мяса и маринованного лука. Подсознание подсказало Ольге Павловне, что для пущей гармонии песни жизни не хватает мажорного журчания красного вина, и к черту кислое молоко любого происхождения!

Не сговариваясь, Оля с Люсиндой повернулись и с ускорением пошли на запах, взволнованно потягивая носами.

– Не вижу кепок, – предупредила Оля подружку на ближних подступах к неказистого вида харчевне под вывеской «У Самвела». – И вообще, Самвел – это армянское имя, а не грузинское.

– Я абсолютно чужда национализма! – непоследовательно

заявила Люсинда и первой ворвалась в виноградную беседку с простыми деревянными столами.

Они устроились так, чтобы видеть мангал, но не коптиться в дыму, в ожидании появления кого-то вроде официанта раскрыли иллюстрированное меню, и на первом же блюде Ольга Павловна зависла, испытав филологический оргазм.

«Люляки баб» – было старательно выведено под фотографией фирменного блюда.

– Хотела бы я увидеть тех баб, чьи это люляки! – в очередной раз восторженно ахнула Люсинда и беззастенчиво огляделась.

Люляки на фото были крупные, темно-коричневые и бугристые, наводящие на мысли об упитанной целлюлитной мулатке.

Впрочем, расизм и тут был неуместен. Ровный бронзовый колер в здешних краях легко приобрести на пляже, если не спать, как дура, кверху попой, а регулярно переворачиваться, поджаривая свои бледные славянские люляки до готовности.

Оля тоже огляделась и убедилась, что гражданок – потенциальных доноров поджаристых люляков (или люляк?) вокруг предостаточно.

Несмотря на то что харчевня находилась вдали от туристических троп, меню грешило орфографическими ошибками и никто из персонала не щеголял в кепке фасона «Аэродром», дивный запах – лучшая реклама! – приманил из ци-

визированной части Сочи немало курортников.

Правда, обратный путь их заранее страшил. Оля услышала, что посетители, подошедшие после подружек, едва устроившись за столом, вызывают по телефону машину.

Простак! Они не знали, как долго будет кружить их по здешним трущобам коварный таксист и в какую сумму им выйдет эта познавательная автомобильная экскурсия.

Добрая Ольга Пална с жалостью посмотрела на наивных курортников и благосклонно – на принесенную им с Люсиндой еду.

– А руки помыть? – ворчливо, с интонациями мамы, напомнил ей внутренний голос.

Люсинда, самозабвенно жмурясь, уже вгрызалась в люлячки и даже не заметила, что Оля отошла.

Облупленный жестяной умывальник на впечатляющем основании из речных валунов смотрелся компактным рыцарским замком на стратегической высоте. Рядом высился деревянный сортир, талантливо стилизованный под швейцарское шале. Шедевр ландшафтного дизайнера с трех сторон укрывали занавески из лиловых плетей глицинии.

Оля вдохнула густой цветочный запах, задорно чихнула и услышала вежливое:

– Будьте здоровы!

Она оглянулась: за ней – не иначе, в очереди к удобствам – стоял хрупкий блондинчик с незабудковыми глазами, приезжий простак из той компании, которой по окончании обе-

да предстояло пасть жертвой алчного сочинского таксиста.

Оля этого белокурого юношу запомнила, а он ее, видимо, нет, иначе знал бы, что она сидит в кафе с подружкой, а не с ребенком, и не стал бы спрашивать:

– Это не ваш ли сынок потерялся?

Олин сынок в этот момент находился в трехстах километрах к северо-западу, если мерить по прямой, и в будний день начала октября имел минимальные шансы потеряться, потому что из школы и в школу ездил на машине с охраной.

– Не мой, – ответила она ненаблюдательному блондинчику, но против воли прислушалась.

– Мама, мама! – кричал ребенок во дворе. – Мама, где ты? Мамочка! Мамоля!

– Димка?

Оля не поверила своим ушам.

Конечно, голоса у малышей похожи, а на детские крики «Мама, мама!» по неистребимой привычке реагируют даже те родительницы, чьи потомки давно уже разговаривают басом и бреют бороды. Оля и не подумала бы бежать на зов, если бы не самолепное слово «мамоля». Мамоля, а не мамуля – так иногда называл ее младший Громов, изящно сливая слово «мама» с Олиным именем.

– Мамоля, где же ты?!

Невозможно, но это действительно был Димка!

Ольга уронила в пыль скользкое мыло и побежала на голос.

Кота звали Робертино, и кто угодно согласился бы, что это неподходящее имя для раскормленного мурзика без намека на итальянскую живость и грацию.

Однако Варвара знала своего кота лучше всех.

Названный в честь кумира хозяйки – некогда знаменитого певца Робертино Лоретти, кот тоже обладал незаурядным голосом, просто не подавал его до тех пор, пока был доволен течением жизни.

Почитающая счастье хвостатого друга своей кармической задачей, Варвара заботливо следила за тем, чтобы гармония мироздания в понимании Робертино не нарушалась, и поэтому окружающие крайне редко имели сомнительное удовольствие насладиться кошачьим вокалом. Зато, уж если это случалось, равнодушных не оставалось. Даже многолетние наслоения грязи и серных пробок в ушах не приглушали сокрушительный звук, и даже запущенные случаи рассеянного склероза не спасали от воспоминаний о диком вопле, способном обратить в позорное бегство орду голосистых индейцев-команчей.

Если бы Робертино хоть раз услышал умный армейский генерал, его тут же приняли бы на службу отдельным антитеррористическим подразделением. Варварин кот, включенный на максимальную громкость в центре вражеского города, в случае необходимости обратил бы в паническое бегство и мирное население, и вооруженного противника!

Может быть, именно поэтому Варвара избегала военных.

Впрочем, она чуралась любых мужчин.

Варвара давно уже без стеснения и с достоинством звалась старой девой и отдавала всю свою любовь исключительно дорогому Робертино. Даже на отдых к морю вывозила питомца каждый год – если не купаться и загорать (купаний Бертик не любил, а в загаре не нуждался, потому как от рождения был черным, как смоль), то хотя бы подышать свежим воздухом.

Кот, в старые девы никогда не записывавшийся, периодически бунтовал и рвался из объятий хозяйки на волю. В отличие от Варвары, Робертино был очень общителен и никогда не упускал возможности оказаться в гуще событий, каковы бы они ни были.

Летние выезды для Робертино были лучшим временем уже потому, что за городом Варвара никогда не водила его на поводке. Кот не возражал против ошейника, но ненавидел гулять на привязи. Отпущенный на вольный выпас, Бертик сладострастно валялся в зарослях мяты, увлеченно созерцал большой мир с трубы дымохода и спал, растянувшись меховым ковриком, в тени под лавочками. Варвара вздыхала, вычесывала из кошачьей шубы репы и мусор, но опрощение не пресекала, уважая освященный традицией аристократический стиль «граф на природе».

Большую черную машину Робертино высмотрел с забора, по которому неторопливо прогуливался в ожидании чего-нибудь особенного. Роскошные машины тут, на окраине, где дорогой курорт окончательно сдавал позиции, превраща-

ясь в трущобы, появлялись нечасто.

Робертино заинтересованно сверкнул глазами.

Поваляться в густой тени под теплым автомобильным брюхом – это могло стать новым удовольствием для кота, чьим транспортным средством обычно бывала пластмассовая корзина-перевозка.

Дождавшись, пока машина остановится и заглушит двигатель, Робертино мягко спрыгнул с забора, вдумчиво обнюхал колесо и улегся вблизи него, совершенно неразличимый в тени.

– Ма-мо-ля! Ма-мо-ля! – скандировал знакомый голос.

Звучал он, вроде, бодро, с легким нетерпением.

Таким же голосом Димка обычно призывал Ольгу, стоя у подножия лестницы в холле или в саду под окном. За призывом, как правило, следовала просьба спустить ему с третьего этажа какую-нибудь забытую мелочь вроде ручки или линейки. Для спуска применялись парашют, планер или радиоуправляемый вертолет собственноручной Димкиной сборки. Младший Громов был фанатом авиамоделизма и не упускал ни единой возможности опробовать свои аппараты в действии.

В общем, в домашней обстановке эти детские крики встревожить «мамолю» не могли, максимум – раздосадовать. Но ведь блондинчик предположил, что ее ребенок потерялся! И, хотя Оле трудно было представить, каким обра-

зом мальчик, от порога до порога сопровождаемый профессиональным охранником, мог потеряться, она все-таки разволновалась.

Призывные крики «Мамоля, мамоля!» доносились из большой черной машины, с великолепным пренебрежением к нуждам пешеходов припаркованной поперек тротуара, да еще и с приоткрытыми дверцами.

«Должно быть, автомобиль без кондиционера», – машинально подумала рассудительная Ольга Пална.

Обязательную борьбу с южным солнцем владелец транспортного средства повел неграмотно и лениво, ограничившись тем, что густо затонировал стекла.

На бегу присматриваясь к потемкам автомобильного салона, Ольга прищурилась и... споткнулась.

– Ку-да! – вовремя подхватил ее, заваливающуюся на бок, одинокий курильщик у забора.

– Простите, – автоматически извинилась Оля, нетерпеливо выдергивая локоть из мягкого захвата.

Галантный кавалер падучую даму не удерживал, наоборот, подтолкнул ее в нужном направлении – к автомобилю.

Заранее пригибаясь, Оля потянула на себя дверцу, но взглядом внутрь не ограничилась, с разбегу сунулась в салон до пояса. Нижняя ее половина при этом осталась за бортом, но ненадолго.

Неожиданно сильный толчок в поясницу забросил ее в машину целиком – и опять ненадолго!

Обожженная кожа болезненно реагировала даже на прикосновение невесомой марлевой кофточки, а уж от плотного контакта с крепкими мозолистыми руками Ольгу Павловну потряхнуло, как от удара током.

Это действительно было больно!

Оля взвыла и, спешно уводя свои чувствительные тылы от соприкосновения с грубой реальностью в виде чужих рук, непроизвольно рванулась вперед. Сквозь слезы она увидела за окошком метнувшуюся навстречу тень, ударилась головой и плечом в незапертую дверь и вывалилась из машины с другой стороны – под ноги подбегающему человеку и прямо на лежащего кота!

Баловня судьбы и Варвары – хвостатого тезку Робертино Лоретти – никогда еще так не обижали.

Жуткий животный вопль вздыбил ветви деревьев и забросил в будки сторожевых собак.

С поздних яблонь посыпались плоды.

У людей, не страдающих тотальной глухотой, упало сердце.

Олю, из-под которой ударила эта звуковая волна, слегка подбросило.

Кот взметнулся с земли прямо из положения лежа и, не переставая орать, унесся прочь.

Выглядел он при этом не только неповрежденным, но как бы даже усовершенствованным, ибо скорость передвижения в считанные секунды развил такую, при которой его лапы зри-

тельно расплылись в колеса с темными спицами.

Но Ольга этого зрелища не увидела.

Варварин кот был хоть и крупным, но все же недостаточно большим для того, чтобы полноценно уберечь от ушибов девушку не самого субтильного сложения.

При падении Оля неудачно стукнулась головой о бетонный бордюр и отключилась.

– Что, правда?! – воскликнула Люсинда с радостным изумлением провинциальной модницы, угодившей на тотальную распродажу в большом торговом центре. – Нет, серьезно, вы не шутите?!

– Деточка, я всегда серьезна и никогда не шучу, – авторитетно произнес низкий хриплый голос, по которому невозможно было определить, представителю какой половины человечества он принадлежит – прекрасной или сильной.

«Очень сильно прекрасной», – опасливо пробормотал Олин внутренний голос, оценив зрелище, открывшееся ей сквозь щелки робко приоткрытых глаз.

Старушенция напротив была похожа на Бабу-ягу, какой ее нарисовал бы добросовестный иллюстратор детских сказок в позапрошлом веке – в простодушные времена, не облагороженные обязательной толерантностью.

Бабуся, восседающая в инвалидной коляске, была одноглазой горбатой карлицей с шишковатой бородавкой на кривом носу.

Деликатно назвать ее маленькой дамой ограниченных

возможностей с дефектами зрения и кожи Оля, несмотря на присущий ей обычно такт, не смогла даже мысленно. Не позволяли яростный стальной блеск в одинокой глазнице и резкие, точные движения хищных пальцев, которые разбрасывали по столу игральные карты, а могли бы – это как-то сразу чувствовалось – без промаха метать в цель дюже острые ножи.

«Дюже острые» – это само собой всплыло в памяти дипломированного филолога.

Бабка четко ассоциировалась с темными веками и замшелым фольклором.

Вкруг чела ее затейливой рамочкой сами собой просились низки и связки сушеных лягушачьих лапок и жутковатых корешков. На заднем плане были бы в высшей степени уместны растрепанная метла с отполированной рукояткой, закопченный очаг с тошнотворно булькающим варевом в помятом котелке и прохаживающийся туда-сюда желтоглазый черный кот.

– А где же кот?

Оля вспомнила последнее, что она видела до того, как очулась в компании бабки-ежки.

– Очухалась, болезная? – обрадовалась Люсинда.

Оказывается, она помещалась справа от бабки («Одесную», – перевел на актуальный древнерусский Олин внутренний голос) и, судя по формулировочке, тоже прониклась колоритом ведьминого логова.

– А Димка где? – Оля вспомнила важное. – Где Димка?!

– У-у-у, совсем плохо дело, головой повредила наша девка, не туда мы ей компресс налепили, – нахмурилась Люсинда. – Клара Абрамовна, у вас есть лед?

– У тети Клары все есть, – кивнула старуха, едва не клюнув носом столешницу. – Лед есть, спирт есть, мята в огороде есть... Деточка, умеешь ли ты смешивать коктейли?

– Нет. Научите? – азартно обнадежилась Люсинда.

– Люда, где Дима?! – Оля закричала, прерывая это бредовое представление. – Я ясно слышала его голос!

– Не тревожься, деточка, я тоже часто слышу голоса, – успокоила ее ужасающая Клара Абрамовна. – И у меня тоже это началось уже в зрелом возрасте.

– Да мне всего тридцать четыре! – машинально обиделась Оля.

– Еще не все потеряно, – сказала бабка, ловким пируэтом уводя инвалидное кресло прочь от стола. – Люся, детка, иди за мной, ты принесешь поднос с напитками!

«Яду мне, яду!» – строго в тему крепких напитков простонал Олин внутренний голос.

– Не скучай, мы быстро! – подмигнула подружке Люсинда, срываясь со стула.

– Заскучаешь тут.

Оля хмыкнула и обвела опасливым взором сумрачную комнату, единственное окно которой было плотно закрыто пыльными бархатными портьерами.

Невысокие потолки и неровные, в разводах зернистой голубоватой побелки стены саманной хаты интригующе контрастировали с дорогой старинной мебелью в благородных завитушках. Вероятно, бабушка-яга знавала лучшие времена.

– Не иначе, Бидермейер? – недоверчиво пробормотала Оля, рассмотрев стул, освобожденный Люсиндой.

Потом она пощупала кружевную скатерть, присмотрелась к подсвечникам на комодике и опознала шкаф:

– Никак Чиппендейл?

– Да, Чип и Дэйл спешат на помощь! – бодро откликнулась Люсинда, возникая на пороге с подносом, на котором гордо выселились высокие запотевшие стаканы. – Выпьем, добрая подружка, бедной юности моей!

– Выпьем с горя. Где же кружка? Сердцу будет веселей, – автоматически подхватила избитую цитату русичка Ольга Пална. – А какое у нас горе?

И она снова заволновалась:

– Люда, так где же Димка? Я его слышала, но не видела! Что тут происходит?

– Ну, что? Обыкновенное дело: тепловой удар, слуховые галлюцинации, обморок, спутанное сознание.

Люсинда поставила поднос на стол и без промедления оделила подружку стаканом:

– Пей! Клара Абрамовна сказала, тебе это будет полезно.

– А кто такая эта Клара Абрамовна? И почему мы тут си-

дим и пьянствуем?

Оля осторожно пригубила зеленоватое пойло.

– Хм, вкусно... Что это?

– Мохито по-деревенски: вместо рома коньячный спирт с винзавода на соседней улице, вместо лайма белая слива и долька зеленого помидора с собственного огорода Клары Абрамовны, – доложила Люсинда, со вкусом прихлебывая. – Эта бабушка просто волшебница, у нее есть рецепты на все случаи жизни. Кстати, как твоя спина, уже лучше? Тетя Клара намазала ее своей болтушкой.

– Какой еще болтушкой?

Оля прислушалась к своим ощущениям.

Спина и впрямь болела намного меньше.

– Болтушка – это такая масляная смесь на кислом молоке, рецепта не знаю, – объяснила Люсинда. – А на первый из твоих вопросов отвечаю: Клара Абрамовна – хозяйка домовладения, у калитки которого ты рухнула в пошлый обморок.

– Какой еще пошлый обморок? Не было у меня никакого обморока! – возразила Оля. – Я просто пошла вымыть руки, услышала Димку, полезла за ним в машину, вывалилась из нее с другой стороны, ударилась об асфальт головой и потеряла сознание!

– Действительно, просто! – съязвила Люсинда. – Прямо-таки элементарно! Слушай, подруга! Если, по-твоему, это нормально – слышать голоса и гоняться за невидимками, то лучшей компании, чем Клара Абрамовна, тебе не сыскать.

Она, между прочим, ясновидящая в шестом поколении!

– Жаль только, что фамильный дар почти иссяк еще у моей бабушки, – сообщила, въезжая в комнату, хозяйка. – Мамочка моя дорогая уже только на картах гадала, а мне и во все крохи таланта родового достались, но это все же лучше, чем совсем ничего. Есть, чем на кусочек хлеба заработать бедной бабушке.

С этими словами бедная бабушка переставила со своих коленок на стол изящную серебряную корзинку с дорогим французским печеньем.

– Я в предсказания не верю, – вяло сообщила Оля, отпивая мохито.

– Только в голоса и в невидимок! – хохотнула Люсинда, с удовольствием прихлебывая из своего стакана. – Клара Абрамовна, а какой он – мой принц? Блондин или брюнет?

– Не знаю точно, не вижу. Вроде темненький.

– А молодой или старый?

– Вроде средних лет.

– Красивый?

– Ну, уж это кому как!

– Мне понравится, – уверенно кивнула Люсинда. – Раз он принц – он мне какой угодно понравится, даже фиолетовый в крапинку!

– Вы это, вообще, о чем? – спросила Оля, переводя озадаченный взгляд с подружки на хозяйку.

Клара Абрамовна остро шурила единственный глаз, как

бы всматриваясь в неведомые дали.

Люсинда мечтательно жмурилась и улыбалась, как кошка.

Обеих хотелось немедленно направить к хорошему окулисту.

– Клара Абрамовна сказала, что меня ждет скорая встреча с принцем! – похвасталась Люсинда. – И я найду его под южным небом, представь, как романтично!

– Та-а-ак, – протянула здравомыслящая Ольга Пална.

Мысленно она уточнила направление: не к окулисту им, а к психиатру!

– Я думаю, нам пора. Давай-ка, Люся, поблагодарим уважаемую Клару Абрамовну за гостеприимство и пойдем потихонечку восвояси.

Поскольку уважаемая Клара Абрамовна гостей не удерживала, они распрощались и тихим ходом – у Оли еще кружилась голова – двинулись в цивилизованную часть города, к своему отелю.

Люсинда, воодушевленная перспективой скорой встречи с принцем, была оживлена даже сверх обыкновенного. Она вертела головой и перед каждой калиткой замирала, как сторожевой суслик, вставая на цыпочки. Как будто ожидала увидеть своего августейшего суженого в одном из палисадников – с поливальным шлангом в одной руке и дымящей сигарой в другой, в ситцевых трусах по колено и летней солнцезащитной короне с козырьком. Или с выбивалкой для ковров, выколачивающим пыль из распяленной на веревках гор-

ностаевой мантии.

Дворовые собаки matrimониальные планы Люсинды откровенно не одобряли, нелицеприятно облаивая ее низкими голосами. Проезжающие мимо машины с чернявыми потомками князей из окрестных аулов призывно сигналили.

Оля хмурилась, очень недовольная всем происходящим, но более всего тем, что она стала слышать голоса.

Вообще-то она и раньше слышала некий внутренний голос. Обычно он наставлял, поучал, подсказывал, порой язвил, но всегда помогал Ольге Палне взглянуть на ту или иную ситуацию со стороны и этим был полезен. Был ли то пресловутый голос совести или, как говорят психологи, ее внутренний ребенок, особого значения не имело.

На сей раз ребенок совершенно точно был внешний!

Тепловой удар, конечно, объяснял и галлюцинации, и потерю сознания, и все же Оле было тревожно.

Не очень-то приятно думать, что сходишь с ума!

С трудом дождавшись восемнадцати часов – завершения официального трудового дня, она позвонила вечно занятому Громову, чтобы спросить его, все ли в порядке с Димкой.

Все было в норме, не считая несправедливой, как единодушно решили родители, двойки по рисованию.

Творческое задание проиллюстрировать загадку «Зимой и летом одним цветом» младший Громов выполнил очень по-своему, нарисовав негритенка, тогда как учительница хотела видеть только елку. А Димка к тому же имел неосторож-

ность с косной училкой заспорить, обозначив дополнительные варианты: индеец и китаец.

– Двойка за широту мышления – это безобразие! – возмутилась Оля. – Вот я вернусь, поговорю с этой учительницей рисования!

– Кстати, о тебе. Ты как там? – спросил любимую половинку старший Громов, чутко уловив избыточную взвинченность родного голоса.

– Уснула на пляже, обгорела на солнце, получила тепловой удар, спина болит, сознание спутанное, – честно призналась удрученная половинка.

– А ночью ты что делала, если на пляже уснула? – без пяти минут олигарх мгновенно выхватил суть и построжал.

– Плясала в ночном клубе, – покаялась Оля.

– Догадываюсь, чья это была затея, – сердито засопел супруг. – Возможно, пора оградить тебя от дурного влияния? Мы можем приехать хоть завтра. Я свалю дела на зама, а Димка с удовольствием прогуляет школу, где не ценят его креативность.

Несколько секунд Оля обдумывала это заманчивое предложение.

Провести несколько дней с мужем и сыном на курорте было бы очень приятно. Вот только Люсинда непременно обидится и рассердится, потому что останется в одиночестве, чего она никак не планировала. А рушить тщательно построенные планы Люсинды – это социально опасно, потому что

радиус поражения обломками может оказаться уж очень широким.

Да и не по-товарищески это.

– Ладно, тогда мы будем ждать тебя дома, – выслушав эти доводы, согласился Громов. – Только ты уж постарайся вернуться целой и невредимой, хорошо? Не надо больше спать на пляже.

– Не буду.

– И в клубах ночевать не надо!

– Тоже не буду.

– Тогда целую тебя, пока!

– Пока.

Оля выключила трубку, вздохнула и поискала глазами Люсинду, от которой за приватным разговором незаметно отстала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.